

Оксенчук Марианна Владимировна,

«Ткань времени: как прикладное искусство говорит о главном»

«Я всегда был убежден, что в жанровых и исторических картинах, статуях и вообще каком бы то ни было произведении искусства — образа, звука, слова — в сказках, песне, былине, драме и прочем сказывается весь целый облик народа»

Виктор Михайлович Васнецов

Когда мы говорим о патриотизме, первое, что всплывает в сознании, — это марш, флаг, громкое слово. Ветераны, парады, книги, фильмы. Это — важно, это — основа, но есть и другая сторона. Тихая. Почти невидимая. Это — вещи, сделанные руками. Берестяной короб, сплетённый в эвакуации. Вышивка, хранимая в шкатулке. Солдатский платочек с инициалами, аккуратно вышитыми неровными буквами. Кто-то скажет — мелочь. А по сути — застывший в форме порыв любви, долга, нежности к своей земле, к людям, к Родине.

Как воспитатель, я всё чаще ловлю себя на мысли, что дети, уставшие от громких лозунгов, острее откликаются на вещи настоящие, человеческие, сделанные руками. Они не нуждаются в патетике. Им нужно прикоснуться — буквально. Почувствовать тепло рук, сделавших когда-то что-то важное. Именно декоративно-прикладное искусство — не шумное, не нарочитое — сегодня может стать тем каналом, через который патриотизм передаётся без давления.

Когда пришла война, у людей отняли многое: дома, время, спокойствие, — но не руки. Женские руки, оставшиеся в тылу, продолжали работать. Шили, вязали, вышивали. Не потому что было время — времени не было. Потому что не было другого способа выразить боль, надежду, любовь, страх.

Фронтная вышивка — почти не изученное, но трогательное явление. Девушки и жёны передавали на фронт небольшие платки с инициалами, узорами, вышитыми стихами. Иногда — на обрывках ткани, иногда — прямо на форме. Это было не для парадов — это было на выживание. Чтобы не забыли, чтобы вернулись.

Солдаты, в перерывах между боями, тоже писали не только письма. Они вырезали ложки, коробочки, даже шахматы. Делали из гильз пепельницы, подсвечники. Не потому что хотелось красоты, а потому что хотелось остаться человеком. Своими руками напоминали себе, что они — живые, что у них есть память, ремесло, история, корни.

Иногда на занятиях я прошу воспитанников принести на 9 мая семейные вещи. Медали, фотографии, письма. И почти каждый год кто-то приносит маленькую вышивку. Потёртую, простую. И в этот момент в комнате всегда становится очень тихо. Потому что эта вышивка говорит громче любого патриотического плаката. В ней — жизнь. В ней — подвиг. Без пафоса, без лозунга. Просто — подвиг, прошитый красной ниткой по тонкой ткани надежды.

Когда отгремели залпы, и страна, собрав силы, начала возвращаться к жизни, многое изменилось — но кое-что осталось. Осталась потребность благодарить. Не словами — руками. Потому что руки, привыкшие держать оружие, лопату, иглу, не забыли: труд — тоже язык памяти.

В послевоенные годы искусство снова стало частью повседневности, но уже с другим наполнением. В народных промыслах стали появляться образы солдат, сцены фронтовой жизни, символы Победы. Это было не по указке и не ради пропаганды. Это было от избытка чувства. От желания сказать «спасибо» тем, кто не вернулся, и тем, кто вернулся, но уже другим.

Иногда мне кажется, что подлинный патриотизм растёт не из лозунгов, а из прикосновения. Из жеста. Из нитки, пропущенной через ткань. Когда ребёнок вышивает открытку ко Дню Победы, он в этот момент не думает словами «я формирую гражданскую идентичность» — он просто старается. Но именно в этом старании и есть суть. Он вовлечён, он включён. У него внутри начинает складываться связь: между руками и сердцем, между «я» и «мы», между прошлым и настоящим.

Декоративно-прикладное искусство — почти единственная форма, в которой ребёнок может быть не зрителем, а участником исторической памяти.

Он не просто слушает рассказ о войне — он что-то делает. Создаёт. А значит — проживает.

И это искусство — про настоящее. Оно учит не подменять патриотизм гордыней. Оно про скромность, про тепло, про труд. Оно не обещает славы. Оно просто даёт человеку ощущение причастности. Дает возможность почувствовать свою страну не как нечто абстрактное, а как что-то, что можно беречь руками.

Для ребенка, который часто не доверяет громким словам, это «тихое искусство» становится неожиданным откровением. Оно ничего не требует — но предлагает. Приглашает быть частью большой, глубокой традиции, где каждое движение руки — это жест памяти и любви.

И если мы хотим, чтобы дети выросли равнодушными, сильными, настоящими, — стоит иногда отложить фразы и дать им в руки ткань, дерево, глину. Пусть попробуют. Пусть сделают. Пусть почувствуют, как в этой тишине рождается их собственный голос.

Потому что душу Отчизне можно посвятить и не на параде. А в мастерской. За столом. В тишине.